

Чжэнь Вэньцзюнь была человеком, который ценил верность и праведность, и Вэй Тинсюй знала об этом уже очень и очень давно.

Именно поэтому Чжэнь Вэньцзюнь смогла стать названной сестрой и близким другом для столь же эмоциональной Линби, и именно поэтому, полюбив кого-то по-настоящему, она без остатка отдавала всю себя.

Вэй Тинсюй, разумеется, прекрасно понимала, что значит «полюбить человека». Она прочла немало древних канонов и изучила множество любовных поэм прошлых эпох. Любовь была неотъемлемой частью человеческих чувств, а порой самой важной и сокровенной. Сколько героев в порыве ярости крушили мир ради прекрасных дев, сколько красавиц сидели от тоски в ожидании своих возлюбленных... Любовь могла сделать человека бесстрашным, но могла и превратить в труса, сделав безвольной марионеткой в чужих руках. Вэй Тинсюй всегда влекла любая сила, способная двигать миром, и любовь, конечно же, тоже подлежала её полному осмыслению и познанию.

Красавицам всегда ведомо, что они прекрасны лицом, а мудрецы знают о своём глубоком уме. Вэй Тинсюй не сомневалась, что её способность постигать суть вещей превосходит обычных людей, а потому всегда полагала, что и любовь для неё станет делом на редкость простым, подвластным её воле.

И лишь оказавшись в самой гуще этого омута, она воочию познала ту коварную и пугающую суть «любви», из-за которой веками гибли величайшие мужи поднебесной.

Её нервы, натянутые струной, наконец-то расслабились, едва стало ясно, что Вэй Тинсюй больше ничего не угрожает. Порезы на руке Чжэнь Вэньцзюнь были куда глубже и страшнее той царапины, что Вэй Тинсюй намеренно оставила у себя на губах, однако девушка совершенно не обращала на них внимания. Перед тем как забыться сном, она всё ещё нежно касалась пальцами её губ, прерывисто и тоскливо шепча в полубреду:

- Ну как же у тебя рука поднялась на такое...

Это была всего лишь маленькая ранка, но она так сильно о ней переживала.

Работоторговцы, разумеется, ни за что не позволили бы ценному «товару» покрыться изъязнениями, они ведь продавали безупречную красоту, и малейший рубец дал бы покупателям повод сбить цену. Поэтому Лань Синь всю дорогу пеклась о Вэй Тинсюй пуще прежнего, велел слугам бдительно следить, чтобы барышня не ушиблась и не поранилась. Эту рану она нанесла себе сама, укусив губу лишь ради того, чтобы оставить Му Гэ тайную приметку для опознания.

Зачем убиваться? Из-за чего страдать? Неужто это столь важное дело, о котором стоит беспокоиться?

Чжэнь Вэньцзюнь уснула. Вэй Тинсуй бережно укрыла её тёплым одеялом, прикрутила фитиль масляной лампы, чтобы разогнать яркий свет, и тихонько вышла из покоев.

Сяохуа преданно дежурила у дверей. Завидев хозяйку, она негромко спросила:

- Госпожа, не желаете ли подать еды?

Вэй Тинсуй лишь качнула головой.

- Желает ли госпожа послать весть А-Ляо и остальным?

- Нет нужды. А-Чжэн уже вернулась, чтобы вызволить её. Завтра на рассвете они придут сюда и воссоединятся со мной.

- Тогда чего желает госпожа?

Сяохуа знала, что Вэй Тинсуй никогда не станет бродить без дела, в каждом её шаге и движении всегда таился холодный умысел.

- Чего я желаю... - Вэй Тинсуй погрузилась в глубокие раздумья, но так ничего и не произнесла. К собственному изумлению, в этот миг она и сама не знала, в чём испытывает нужду.

Ей хотелось созерцать бледный лик луны. Той далёкой, сияющей луны, до которой ей самой вовек было не дотянуться.

Государство Гуси по велению старых законов было разделено на три обособленных удела: Тяньюань, Дичэн и Хайчжэнь. Границы между ними были нерушимы, а таблички-пайфу для входа в каждую область разительно отличались, и чтобы ступить на территорию соседа, требовалось раздобыть особый пропуск.

Можно сказать, что это маленькое царство давно распалось на три враждующих микрогосударства, ведомых собственной знатью. Вот только Гуси лежало в глухом, диком краю, и после того как древний Тракт десяти тысяч направлений оказался заброшен, они были полностью отрезаны от Поднебесной. Питая лютую ненависть ко всему живому за пределами своих застав, они и не думали покинуть эти каменистые земли ради поиска новых пашен. Будь то правители Тяньюань, Дичэн или Хайчжэнь - все они спали и видели, как бы поглотить удел соседа, истребить чужую фракцию до корня и единолично объединить Гуси под своим знаменем.

Каждый из трёх кланов ковал собственные скрытые планы, и Хайчжэнь вовсе не являлся среди них самым могущественным.

Число подданных Хайчжэнь превосходило удел Дичэн, однако сильно уступало многолюдному клану Тяньюань. Их земли лежали на самом западе Гуси, почва здесь была бесплодной и сухой, а источники воды находились далеко. Однако Му Гэ правил своими владениями, переняв благородные обычаи Великой Юй. Статус женщин здесь был заметно выше, а численность населения с каждым годом неуклонно росла. Из-за этого наплыва ртов скудные пашни и запасы зерна уже едва могли прокормить людей, отчего их затаённое желание пойти войной на соседей крепло день ото дня. И это была одна из главных причин, почему Вэй Тинсюй решила заключить союз именно с Му Гэ.

Другая же причина крылась в личном расчёте Вэй Тинсюй.

Му Гэ презирал торговлю рабами, в его жилах текла половина крови равнин, оттого в его характере сквозили благородные конфуцианские черты. Вести дела с таким человеком было куда безопаснее. Можно было не опасаться, что он нарушит клятву и коварно переменится в лице, едва получив желаемое.

Когда Чжун Цзи, А-Ляо и вся её свита благополучно вырвались из лап разбойников и прибыли в замок, Вэй Тинсюй собрала всех за одним столом, чтобы обсудить великое дело - объединение государства Гуси.

Му Гэ напрямую спросил у Вэй Тинсюй, как именно она желает поступить с Лань Синь и её бандой работоторговцев. Если госпоже угодно унять гнев, он может велеть схватить их всех и предать мучительной казни. Вэй Тинсюй жизнь и смерть столь ничтожных букашек совершенно не заботили. Пусть Му Гэ вершит над ними любой суд по собственному усмотрению. Сейчас перед ней стояла куда более масштабная задача: исполнить клятву и помочь принцу Му Гэ единолично поднять под себя всю полноту власти над Гуси.

Земли государства Гуси были столь малы, что едва ли превосходили по площади округ Пинцан. Для Вэй Тинсюй, которая привыкла плести интриги в масштабах сорока восьми округов Великой Юй, справляясь с сотней знатных домов и множеством противоборствующих сил, объединить простодушное царство Гуси было пустяковым, лёгким делом, словно достать вещь из собственного рукава. К тому же более тысячи обозных слуг на деле оказались опытными, закалёнными в боях воинами, которых Ли Яньи лично отобрала для этого похода. Каждый из них стоил троих обычных солдат. Му Гэ уже велел пропустить их через заставы, и ныне это воинство стояло лагерем вокруг парадных чертогов замка.

Вэй Тинсюй, Чжэнь Вэньцзюнь, А-Си, А-Ляо, А-Чжэн, Цзо Куньда, а также сам Му Гэ и двое его верных генералов, Шэ Тай и Ци Энь, ночи напролёт бодрствовали, тайно выковывая великий план объединения страны.

Хотя два сподвижника Му Гэ и назывались «генералами», на деле они, как и сам принц, отродясь не бывали в настоящих сражениях.

Распри внутри Гуси гремели непрерывно, однако местная знать лишь лениво нежилась на своих клочках земли, изредка препираясь да обмениваясь парой пустяковых ударов, и о том, чтобы собрать полки, развязать настоящую войну, никто из них и не помышлял. Му Гэ в своё время прочёл немало воинских свитков, присланных предками из Великой Юй, и всей душой жаждал испробовать эти премудрости на деле, да только верного случая никак не подворачивалось.

Единственными, кто в этих стенах действительно бывал под стрелами и вёл за собой полки, были Чжэнь Вэньцзюнь и Цзо Куньда. Что до А-Си, то на поле боя она чаще всего лишь искусно притворялась мёртвой, а едва заходила речь о настоящей стратегии, тайно шмыгала в угол, отыскивала там какую-нибудь еду и превращалась в праздного слушателя, жуя и внимая чужим речам.

Му Гэ разложил карту Гуси в свете масляной лампы. Стоило Чжэнь Вэньцзюнь штрих за штрихом изучить расположение трёх великих кланов и весомую разницу в их силах, как в её разуме выстроился чёткий, ясный план ведения войны и плетения интриг.

- Удел Тяньюань, что лежит между владениями Дичэн и Хайчжэнь, не просто превосходит остальные по площади. У него и воинов больше, и хранилища ломятся от зерна. Начнись открытая война, и Тяньюань без труда сокрушит соседей поодиночке.

Сказанное Чжэнь Вэньцзюнь было именно тем, что беспокоило Му Гэ, а также важной причиной, по которой он не мог решиться на отправку войск. Знать свои сильные стороны - залог победы, но досконально знать о своих слабостях - основа выживания. Принц отчаянно боялся, что стоит нарушить хрупкий мир и Тяньюань ухватится за этот шанс, чтобы одним махом истребить оба оставшихся клана. Случись такое, Хайчжэнь, что первым поднял меч, не просто падёт и сгинет в темницах, но и покроет себя вечным позором в памяти потомков.

- Однако для триумфа вовсе не обязательно обладать несметным воинством, - возразила Чжэнь Вэньцзюнь. Пройдя сквозь пекло Мэнляня, она слишком хорошо знала, как рождаются легендарные победы малым числом. - Число «три» - штука лукавая и крайне зыбкая. Если сумеем разыграть эту карту правильно, то сможем малым одолеть великое, вырвав победу из рук судьбы. Пусть удел Дичэн невелик и слаб, но кто сумеет перетянуть его на свою сторону, тот и станет владыкой Гуси.

- О? - стоило заговорить о законах стратегии, как Му Гэ наострил уши, и в глазах его вспыхнул живейший азарт. - И как же нам малым числом одолеть великое?

Чжэнь Вэньцзюнь кончиком кисти обвела на пергаменте границы Дичэн:

- Заключить с ними тайный союз. В день торгов Сюаньгуань я сама стояла на площади и своими глазами видела, с какой лютой ненавистью А-хоу Дичэн и Тяньюань кричали друг на друга. Дичэн до глубины души презирает и боится соседа. Ни вы в одиночку, ни Дичэн сами по себе не выдержите против Тяньюань. К тому же, если вы вздумаете сначала пойти войной на сам Дичэн, пусть земли Гуси и невелики, но долгая битва мечей и припасов изнурит ваших

людей и опустошит казну. Почему бы вместо этого не сплотиться с Дичэн, чтобы вместе ударить по Тяньюань? Как сказано в трактате «Книга планов сражающихся царств, Летопись Пинь»: "Заключайте союзы с дальними государствами и нападайте на ближние. Получите дюйм, и это дюйм короля, получите фут, и это также фут короля." Будь то пашни или солдаты, и какой бы редющей ни была сила Дичэн, дадут они три тысячи воинов - пусть будет три тысячи, выставят десять тысяч - забирай десять тысяч. А когда вы дружно сокрушите Тяньюань, если Дичэн проявит благоразумие и склонит голову пред вами, тем лучше. Если же упрётся, то поднять против них войска будет лёгким, чистым и скорым делом.

Му Гэ торопливо занёс руку с кистью, зарисовывая знаки:

- Заключайте союзы с дальними государствами и нападайте на ближние...

Чжэнь Вэньцзюнь прервала его:

- ...Достаточно, не нужно записывать. Если возникнут сомнения, мы всегда сможем обсудить всё на словах.

Пять дней напролёт они без усталости ковали великие планы в тишине зала. Когда же все штрихи грядущей кампании были полностью утверждены, пришёл черёд отправлять тайного посла в удел Дичэн ради скрепления клятвы союза.

Однако Вэй Тинсюй не позволила лазутчику идти напролом. Подобное объединение следовало обставить с величайшей осторожностью, чтобы оно выглядело естественным делом, будто вода, текущая по руслу.

- Случись так, что Дичэн не пожелает связывать себя узами союза, он преспокойно перепродаст ваши замыслы Тяньюань, и они, объединившись, ударят по вам, тогда и боги не спасут ваш замок.

Му Гэ со всей серьёзностью кивнул:

- Барышня зрит в самый корень. И как же, по вашему, мне надлежит поступить?

- Какие слабости и пристрастия у А-хоу Дичэн? - Вэй Тинсюй ненадолго погрузилась в мысли. - Правда ли, что он безудержно падок на женскую красоту?

- О? И как только барышне удалось прознать об этом?

- По вашим же речам, клан Дичэн скуден казной, и богатство их ни в какое сравнение не идёт с сокровищами Тяньюань. Однако на недавних торгах Сюаньгуань тот А-хоу с таким упрямством бился против соперника, готовый без раздумий выложить безумные богатства... И не просто золото, речь шла о десяти тысячах алмазов.

- Истинно так. Десять тысяч алмазов - это цена, на которую простые люди Дичэн могли бы безбедно кормиться два полных года, - подтвердил Му Гэ. - Он и впрямь до безумия ослеплён похотью. Всех пригожих дев в его уделе силой сгоняют в его чертоги на правах рабынь, а сам он нещадно обдирает плоть с простого люда, выжимая последние гроши ради покупки барышень с Центральных равнин. Отвратительное зрелище.

- Каким бы мерзким ни был этот человек, он именно та фигура, которую нам необходимо прибрать к рукам. Низких помыслами людей бояться не стоит. Лишь те, в чьих душах живут пороки и слабости, легче всего поддаются нашему укрощению. Раз он жаждет женской красоты, то мы пошлём к нему прелестную барышню. Вот только эту красавицу он ни за что на свете не должен заполучить.

Му Гэ опешил:

- Не должен заполучить?

- Да, - на губах Вэй Тинсуй заиграла ледяная улыбка. - Ведь только то, чего человек никак не может обрести, он вовек не сможет позабыть.

Му Гэ поступил в точности по совету Вэй Тинсуй. Выбрал среди своих наложниц самую пленительную и сметливую девушку и отослал её в удел Дичэн. Там уже долгие годы обитал один тайный лазутчик, его заслал ещё покойный отец Му Гэ. Теперь этому шпиону было под шестьдесят, и он приходился почтенным наставником самому А-хоу Дичэн. Лазутчик принял присланную красавицу под видом простой служанки, и стоило А-хоу Дичэн мимоходом узреть её, как разум его помутился от невиданного великолепия. Вот только рабыня принадлежала его собственному учителю, статус её был слишком щекотливым, и забрать её силой А-хоу не смел, иначе прослыл бы грешником и покрыл себя вечным позором в глазах подданных.

Правитель Дичэн целыми днями прятался в тени, созерцая рабыню наставника и буквально исходя слюной от вожделения. Когда плод созрел, Му Гэ самолично явился в его чертоги, чтобы обсудить совместный поход против Тяньюань. А-хоу Дичэн поначалу колебался, и тогда Му Гэ пообещал, что если тот поднимет свои войска, Хайчжэнь одарит его любым числом красавиц. Но похотливому богачу не нужны были другие женщины, все его мысли были прикованы лишь к той единственной девушке.

Му Гэ произнёс:

- У меня есть способ отдать её в твои руки.

А-хоу Дичэн не поверил своим ушам, и тогда Му Гэ заставил старика-учителя написать клятвенное заверение: если правитель Дичэн согласится сокрушить Тяньюань, наставник безропотно отдаст ему всё своё имущество вместе со служанкой.

Конечно, в душе А-хоу Дичэн всё ещё таились смутные подозрения:

- С какой стати твой человек станет беспрекословно слушаться тебя?

- Он слушается не меня, - отозвался Му Гэ. - Я лишь потратил время, чтобы вывести его прошлое. В своё время его верная супруга и дети были безжалостно замучены воинами Тяньюань. Раз ты готов объявить им войну, старик не то что девку, он всю свою усадьбу пустит с молотка без тени сожаления, лишь бы свершилось возмездие.

Всё вышло в точности так, как и предполагала Вэй Тинсуй. Стоило человеку ослепнуть от заветного пристрастия, как им становилось на редкость легко вертеть по собственному усмотрению. А-хоу Дичэн без лишних раздумий скрепил клятву союза с Хайчжэнь и двинул свои полки на Тяньюань.

Чжэнь Вэньцзюнь уже порядочно засиделась без дела, и грядущая битва пришлась ей как раз к стати, чтобы размять затёкшие мышцы и кости. В этом мерзком, варварском краю лишь открытая бойня и кипящая кровь, обильно орошающая камни, могли унять горькую ярость в её груди.

Чжэнь Вэньцзюнь велела Цзо Куньда выступить в роли передового отряда и устроить яростную суматоху на западных границах Тяньюань. Едва пятидесятитысячное вражеское войско ринулось на усмирение западных границ, Чжэнь Вэньцзюнь с основными силами стремительным ударом смяла оба их фланга, обратив чужие ряды в паническое бегство. И как раз в миг их сокрушительного отступления из засады вырвались воины Дичэн, наглухо перерезав пути к спасению. Зажатые в тиски с двух сторон силами Хайчжэнь и Дичэн, остатки армии Тяньюань оказались наглухо заперты в безводном и бесплодном ущелье. Спустя десять дней голодной осады им не оставалось ничего, кроме как сложить оружие и сдаться на милость победителей.

Вся эта битва от первого до последнего удара заняла едва ли меньше месяца. Чжэнь Вэньцзюнь неизменно мчалась в самом авангарде, однако враг бежал столь стремительно, что на её доспех едва попало несколько капель чужой крови. Такая лёгкая победа не принесла ей подлинного упоения боя. Благо, замыслы Му Гэ вовсе не ограничивались простым разделом земель Тяньюань.

Едва удел Тяньюань перестал существовать, Му Гэ мгновенно нацелил остриё меча на Дичэн. К слову, сам А-хоу Дичэн тоже затаил глубокую обиду: перед началом войны ему сулили невиданную красавицу, а в разгар великой битвы барышня бесследно испарилась, и он не сумел отыскать даже волоска с её головы. В ярости он явился требовать ответа у Му Гэ, но тот лишь сокрушённо развёл руками, сказав: в хаосе сражений судьба неподвластна человеку. Да и к тому же, раз эта женщина так любя твоему сердцу, отчего же ты сам не приставил к ней верных стражников?

Решив, что его нагло обвели вокруг пальца, правитель Дичэн затаил смертельную злобу. Он принялся на каждом шагу чинить Му Гэ мелкие козни и препятствия, а вскоре и вовсе тайно

нанял первоклассных убийц, чтобы заполучить его голову.

И это был именно тот день, которого так терпеливо дожидалась Вэй Тинсюй.

- Союз с этим похотливым глупцом был лишь вынужденной мерой ради устранения главного врага. Ныне, когда Тяньюань сокрушён, самое время улучшить момент и стереть Дичэн с лица земли, чтобы единолично объединить страну. Вот только нарушить клятву первому означает прослыть предателем и навлечь на себя суровое осуждение соседей. Начни вы войну против союзника без повода, позорное клеймо нечестивца осталось бы с вами на века. Но раз этот безумец сам ищет ссоры и подсылает к вам убийц, ваш карательный поход станет лишь вынужденной защитой.

Выслушав эти холодные речи Вэй Тинсюй, Му Гэ удивлённо вскинул брови, и до него наконец дошёл весь блеск её замысла:

- Вот оно как! Выходит, совершив это деяние, я не просто заберу земли, но и сохраню безупречное, честное имя!

Вэй Тинсюй ответила ему лёгкой, едва заметной улыбкой.

Му Гэ всюду рассыпался в похвалах перед Вэй Тинсюй, однако стоило ему позже остаться наедине со своими верными генералами, как в его груди зашевелилась глухая, липкая тревога.

- Эта женщина из Великой Юй, вероятно, ещё в самый первый день до мельчайших подробностей просчитала всё, что случится с нами сегодня, - проговорил Шэ Тай, и от этих мыслей у воеводы мурашки побежали по коже.

Ци Энх попытался унять его страхи:

- В военном деле обман и коварство привычная вещь, обычное состязание умов. Как ни крути, а они помогли нашему А-хоу сокрушить векового врага. Теперь же стереть с лица земли ослабевший Дичэн дело одного щелчка пальцев, и весь этот великий триумф она куёт исключительно ради вашего величия, мой господин.

- Я и сам это прекрасно понимаю, - хмуро отозвался Му Гэ. - Вот только с подобными женщинами можно вести дела лишь в минуту крайней нужды, но приближать их к себе или пытаться стать другом опасно. Если вздумаешь пройти с ней по одной тропе, тебе понадобится иметь в запасе ещё десяток жизней, иначе сгинешь и сам не заметишь как.

Стоило Вэй Тинсюй отдать приказ, как железная конница Чжэнь Вэньцзюнь в мгновение ока прорвала хрупкие оборонительные линии Дичэн. Чжэнь Вэньцзюнь обнаружила, что все солдаты в стране Гуси не заботились о тактике в бою, или, скорее, они не понимали военную стратегию и просто полагались на грубую силу, чтобы броситься вперёд, умирая без

колебаний. Им не хватало пугающей мощи воинов Чунцзиня, да и в тактике они были полными невеждами, так что Чжэнь Вэньцзюнь сокрушала их без малейшего труда.

Меньше чем за три месяца с остатками вражеских сил было покончено. Му Гэ с помощью Вэй Тинсуй и Чжэнь Вэньцзюнь полностью завершил великое дело объединения страны. Пребывая в безграничной признательности, он велел затеять роскошный пир, чтобы со всеми почестями угостить спасительниц, однако Вэй Тинсуй вежливо и тактично отказалась:

– Впереди нас ждут куда более важные дела, а путь наш далёк. Мы и так растратили здесь слишком много драгоценных дней, посему нам пора выдвигаться. Самой щедрой благодарностью со стороны Вашего Высочества станет дарование нам права на беспрепятственную торговлю.

Против торгового права у Му Гэ, разумеется, не нашлось возражений, и он самолично вручил грамоту Вэй Тинсуй, попутно выказав живейший интерес к тому самому «далёкому пути», о котором она обмолвилась:

– Осмелюсь спросить, барышня, куда именно лежит ваша дорога?

Вэй Тинсуй скрывать истину не стала:

– В этот поход мы отправились по воле Императрицы Великой Юй, чтобы заново открыть заброшенный Тракт Ваньсян. Наша конечная цель – Люхо.

– Путь в царство Люхо таит в себе неописуемые опасности, простому смертному туда ни за что не добраться.

– Именно из-за этого я должна пойти туда.

Му Гэ крайне восхищался Вэй Тинсуй, хотя в его душе всё ещё теплилась некоторая настороженность перед её пугающим умом.

– Барышня помогла мне ковать вековое величие моего рода, и в ответ я желаю преподнести вам два дара. Ци Энь!

Один из верных генералов, неизменно дежуривший подле Му Гэ, по имени Ци Энь мгновенно опустился на одно колено:

– Я здесь!

– Я приказываю тебе следовать за барышней Вэй и оберегать их обоз, чтобы они в целости и сохранности достигли Люхо.

- Слушаюсь!

Вэй Тинсюй поначалу вознамерилась отказаться, ведь в их отряде насчитывалось более тысячи пятисот человек, и хотя в недавних стычках они потеряли троих бойцов, оставшихся сил и крепких удальцов с лихвой хватало для защиты каравана, так что в казённом конвое нужды не имелось.

Однако Му Гэ возразил:

- Госпожа не знает, но один мой генерал стоит всех ваших последователей вместе взятых!

- О?

- В жилах Ци Эня течёт кровь выходцев из Люхо, - Му Гэ воистину не хвастался. - Ещё прадед его деда перебрался из Люхо в земли Гуси, взял здесь жену, и с тех пор его род осел в наших краях. В их семье из поколения в поколение передаётся заветная реликвия, способная безошибочно указывать путь к Люхо, так что с ней вы ни за что не заплутаете. Без этого сокровища даже столь одарённым и сильным людям, как барышня Вэй и барышня Чжэнь, ни за что не пересечь бескрайние, смертоносные пески великой пустыни Куэр Цзяньши.

А-Си, услышав слово «Куэр Цзяньши», мгновенно поняла его суть. На наречии Гуси это имя означало то же самое, что «Чистилище» или «Врата ада»¹ в устах жителей Центральных равнин. Это место пугающее и проклятое. Раз этим словом называли пустыню, можно было без труда вообразить весь её первобытный ужас.

¹культурная отсылка - 阿鼻劫, относящаяся к царству крайних страданий в буддийской космологии

Именно эти пески с самого первого дня вселяли в душу А-Си наибольший страх.

Государство Люхо оставалось окутано столь непроницаемой тайной лишь оттого, что ни одна живая душа не могла вернуться из этой пустыни невредимой и донести до Поднебесной весть о затерянном царстве. Бескрайние пески хранили память о бесчисленных жутких смертях, служа для Люхо естественным, непреодолимым оплотом. В своё время А-Си долго колебалась и не желала идти в путь именно потому, что считала переправу через эти пески невыполнимым делом.

И вдруг из уст Му Гэ срывается весть, что прямо перед ними стоит подлинный потомок жителей Люхо! Это открытие настолько потрясло её, что она, позабыв о привычной скрытности, в крайнем волнении громко спросила:

- Уж не о Компасе ли десяти тысяч путей Ваньдао ты говоришь?!

Ци Энъ слегка опешил от удивления:

- Верно, это действительно Компас Десяти тысяч путей.

Чжэнь Вэньцзюнь и Вэй Тинсюй одновременно устремили взгляды на А-Си, и та поспешно пояснила:

- Этот компас придумали и сотворили в самом Люхо. Внутри него сокрыта уникальная магнитная крошка, которую добывают исключительно в тех подземных жилах. В каком бы уголке подлунного мира ты ни оказался, стоит лишь открыть крышку, и стрелка неизменно укажет в сторону Люхо. В былые эпохи, когда жители Люхо ещё соглашались покидать родные земли, каждый из них брал с собой такой компас, чтобы без труда отыскать дорогу назад. Мой отец в своё время жизнь готов был положить, лишь бы раздобыть эту реликвию, ведь завладеть компасом значило подчинить себе саму дорогу к Люхо.

Слова А-Си мгновенно зажгли в сердце Вэй Тинсюй пламя надежды. С живейшей радостью она приняла первый дар Му Гэ. Что же касается второго подношения, то им оказался громадный речной корабль чуань.

Это судно, подобно гигантскому зверю, замерло у причала в ожидании своего нового владыки.

- Царство Люхо раскинулось к юго-востоку от Гуси, - продолжал Му Гэ. - И испокон веков к границам Куэр Цзяньши вёл лишь один путь, через крутые обрывы хребта Жуйэрху. Перебраться через эти скалы было трудной задачей, к тому же единственную тропу, по которой там ещё можно было провести коней, двадцать лет назад наглухо завалило каменным обвалом, так что сейчас сухопутной дороги туда больше нет. И пускай путь по водам моря Минчжун кажется куда более долгим, наши земли лежат на возвышенности. Доверившись бурному течению, мы меньше чем за месяц достигнем владений племени Ху. От границ Ху останется пройти всего пятьсот ли на восток, и перед вами раскинется степь Гулунь. А пересечь эту степь означает сразу выйти к границам Куэр Цзяньши. Весь этот путь вы пройдёте с попутным ветром по большой воде, а по степи повозки полетят стрелой. Это во сто крат безопаснее, чем пробиваться сквозь скалы Жуйэрху и биться там с дикими горными медведями.

А-Си, которой в прошлом довелось пройти часть древнего Тракта Ваньсян, полностью подтвердила верность дороги, указанной Му Гэ. У Вэй Тинсюй не оставалось времени на пустые промедления, и она велела слугам немедленно загонять коней и затаскивать телеги на палубу корабля. Ци Энъ, помимо умения обращаться с Компасом тысячи дорог, оказался к тому же искусным мореходом, способным по малейшим приметам предугадывать направление ветра и причуды капризной морской стихии.

Му Гэ велел загрузить в трюмы корабля щедрые запасы зерна и припасов. Пора весны и лета была самым благодатным временем для похода на юг. Море встретило их штилем и ласковым, безмятежным покоем.

На следующее утро Вэй Тинсюй и остальные подняли паруса и двинулись дальше к царству Люхо.

Они шли по морю пять дней. Волны были небольшими, а широкий корпус и крепкий киль корабля обеспечивали плавный ход. Чжэнь Вэньцзюнь грелась на палубе под солнцем и ловила рыбу. Для неё это был не тяжёлый поход, а приятная прогулка. Пользуясь тем, что она отлично плавала, девушка то и дело ныряла в море, чтобы порезвиться среди разноцветной живности, а иногда опускалась под воду с гарпуном, добывала жирную рыбу, тут же поднимала её на борт, тонко нарезала и ела сырой.

Чжэнь Вэньцзюнь была полна сил и в таких бескрайних просторах умела развлечься как угодно. С Вэй Тинсюй же всё было совершенно иначе.

Все пять дней на корабле её нещадно тошнило. Она не могла проглотить ни крошки, и если бы Чжэнь Вэньцзюнь силой не заставляла её съедать хоть немного жидкой рисовой каши, госпожа уже давно лишилась бы чувств.

Чжэнь Вэньцзюнь корила себя за безрассудство: как она могла забыть, что хрупкое тело Цзычжо не вынесет морской качки? Сама Вэй Тинсюй уверяла, что через пару дней привыкнет, но время шло, а приступы рвоты не прекращались. Чжэнь Вэньцзюнь приказала было повернуть корабль обратно, но Вэй Тинсюй оборвала её:

– Нельзя из-за меня одной срывать великое дело.

Она похудела до такой степени, что людей краше в гроб кладут. Она выглядела измождённой, и даже слова срывались с её губ едва слышным, невесомым шёпотом.

– Но если так пойдёт и дальше, ты испустишь дух ещё до того, как мы пристанем к берегу, – Чжэнь Вэньцзюнь вовсе не пугала её.

Вэй Тинсюй отмахнулась:

– С чего бы такой малости лишить меня жизни? Хватит болтать.

Выставив Чжэнь Вэньцзюнь за дверь, Вэй Тинсюй более не желала её видеть.

Чжэнь Вэньцзюнь знала, что упрямица ни за что не послушается её. Она понимала, что им необходимо идти вперёд, но в то же время до боли боялась за здоровье Вэй Тинсюй. Она пребывала в полной нерешительности и изнывала от тревоги.

Вэй Тинсуй лежала на постели, и в душе её росла глухая досада. Каждое покачивание корабля отзывалось в её желудке мучительными судорогами.

Она знала, что Чжэнь Вэньцзюнь так и стоит за дверью, не отходя ни на шаг, и это знание раздражало её ещё сильнее.

Не так должна была поступать Чжэнь Вэньцзюнь.

Ей следовало сурово приказать Вэй Тинсуй замолчать и не сметь издавать ни звука, чтобы её недомогание не портило дух всей команде. Ей следовало запереть её в каюте, а самой встать у руля и велеть всем на всех парусах мчаться к цели, чтобы поскорее достичь берега.

Именно так поступил бы сильный человек, каким Вэй Тинсуй могла бы восхищаться и пред кем готова была склонить голову. Как эта нерешительная Чжэнь Вэньцзюнь собирается вершить великие государственные дела?

Прежде Вэньцзюнь определённо была другой.

Вэй Тинсуй прикрыла глаза, надеясь урвать немного сна, чтобы унять тошноту и досаду, но стоило ей погрузиться во мрак, как с палубы донеслись истошные крики.

Она открыла глаза и только собиралась подняться с постели, как весь корпус корабля с ужасающей силой накренился набок. Вэй Тинсуй едва успела ухватиться за край ложа, чудом удержавшись от падения.

Это была не обычная волна. Это было похоже на то, как если бы корпус корабля увлекла огромная сила.

Кое-как, шатаясь и ударяясь о стены, она выбралась из каюты, и увиденное превзошло все её самые страшные ожидания.

Громадная чёрная тварь, похожая на диковинную рыбу, с грохотом прорвала толщу воды и взмыла в воздух. Чжэнь Вэньцзюнь точным ударом пустила стрелу ей прямо в сердце. Однако для этого чудовища маленькая стрела оказалась не прочнее щепки. Падая обратно в пучину, монстр с размаху обрушил свой могучий хвост на нос корабля. Словно тяжёлая ладонь хлопнула по плавающему на воде сухому листу судно в миг подбросило высоко в воздух. Люди с дикими криками посыпались с палубы, и около сотни человек разом рухнули в кипящую пучину моря.

И А-Ляо была среди них!

Больше двадцати её девушек истошно визжали, но ни одна не успела перехватить её за одежду. Чжэнь Вэньцзюнь, уцепившаяся за мачту, могла бы одним ловким пируэтом спокойно

опуститься на палубу, но, заметив, что А-Ляо вот-вот поглотит бездна, она ласточкой метнулась вперёд и точным ударом ноги в прыжке отбросила её обратно на корабль.

От этого сокрушительного пинка в грудь у А-Ляо перехватило дыхание, и, рухнув на доски палубы, она обхватила руками грудную клетку, посинев лицом от нестерпимой боли.

Барышни толпой бросились к ней, наперебой расспрашивая, целы ли её кости, но А-Ляо не могла вымолвить ни слова. Пусть она частенько утягивала грудь, щеголяя в мужском платье, её прелестные округлости девушки очень даже ценили, а этот пинок Чжэнь Вэньцзюнь едва не вогнал её нежные холмики вовнутрь.

Чжэнь Вэньцзюнь оттолкнула А-Ляо обратно на палубу, а сама, потеряв равновесие, полетела в море.

Та огромная рыба-чудовище действовала не одна. Сотни молодых особей, размером чуть меньше неё, тихо затаились вокруг корабля. Чудовище изо всей силы ударило по судну, и все сброшенные в море люди мгновенно превратились в их обед!

Упавших в воду пожирали целиком, одного за другим. Чжэнь Вэньцзюнь пришла в ужас. Похожие на железную пилу зубы молодой рыбы уже готовы были сомкнуться на её талии. Она упёрлась обеими руками, сдерживая смертоносную хватку, но хищник обладал невероятной силой. Чжэнь Вэньцзюнь уже была на пределе.

В это же время в воде оказался и Ци Энь. На него тоже набросилась стая молодых рыб. Среди царившего хаоса Сяохуа после долгих поисков наконец нашла канат. Она собиралась бросить его в море, чтобы вытащить Ци Эня, но Вэй Тинсуй схватила её за руку, указала на Чжэнь Вэньцзюнь, которая находилась гораздо дальше, и резко приказала:

– Спасай Вэньцзюнь!

Сяо Хуа на мгновение замешкалась:

– Но госпожа, компас умеет использовать только Ци Энь! Если он погибнет, мы никогда не найдём Люхо!

Все руки Чжэнь Вэньцзюнь уже были в крови. Зубы рыбы сжимались всё сильнее, и она вот-вот должна была утащить девушку на глубину. Если её утянет под воду, это верная смерть!

– Если мы не найдём Люхо, как мы отчитаемся перед Императрицей по возвращении? Как тогда проводить новые реформы? – Сяохуа всегда беспрекословно подчинялась приказам, ведь раньше любые распоряжения Вэй Тинсуй были безупречны, и ей оставалось лишь выполнять их. Но в этой ситуации Сяохуа была вынуждена напомнить о последствиях.

Вэй Тинсюй увидела, что над водой осталась только голова Чжэнь Вэньцзюнь, и повторила:

– Спасай Вэньцзюнь!

У Сяохуа не было выбора, кроме как подчиниться.

Она бросила канат Чжэнь Вэньцзюнь. Ухватившись за него, та спаслась и забралась обратно на корабль. В то же время всего в десяти шагах от неё стоящая рыба загрызла Ци Эня насмерть, и морская гладь окрасилась в ярко-алый цвет.

<http://bllate.org/book/17227/2028637>